

Вырезка из газеты
ВЕЧЕРНИЙ
СВЕРДЛОВСК
г. Свердловск

26 СЕН 1980

Что, собственно, произошло? Класс как класс. И контрольная по математике — как контрольная. И герой — как герой: вежно опаздывает на урок, чем доводит до слез учительницу. То будильник сползся, то подхвост зацепило. Лопотухин бросился спасать старуху. Вот еще одна фантастическая выдумка: по пути в школу Василий зашелся на летящую тарелку, вел научную беседу с гуманоидами, направлющимися в Ашхабад и случайно приземлившимся во дворе дома, где живет наш герой.

Глядя на Лопотухина (актер В. Шаповалов), невольно вспоминаешь Деиску Виктора Драгуевского («Деискинские рассказы»). Костю Шмеля Юрия Томина («Борьба, я и невидимка»), Петьку Юрия Сотника («Петька в космосе»). (Истории, названные произведения были инсценированы для радио и телевидения). Этих ребят разделяет возраст — одни подростки, другие постарше. Но объединяет их характер. Он не явняется в привычной стеллажной «спойной ребенка», и мальчишкам вежно достается от взрослых.

Да, сороставление вызвало некоторое чувство неудовлетворенности новой пьесой А. Хмелика: все-таки в чем-то повторялись образы, созданные в разные годы разными авторами, и не покидало ощущение знакомости героя, ситуаций. Но всегда было у Хмелика, да и остается, явное преимущество: он глубоко чувствует и поднимает в сатирической форме актуальные педагогические проблемы. Хмелик — это значит заливистый смех, за внешним наскондом которого непременно кроются детские оупда, душевные переживания, буттарство подростков. Вот и в последней работе А. Хмелика «А все-таки она вертится?... или Гуманоид в небе мчится» остро поставлена тема личности подростка, ее стандартизации в силу живучести ложных педагогических канонов. Автор стилизует мальчишеское воображение, проявление индивидуальности ученика с привычным трафаретом школьных бичей, противопоставляет метафизичность и сухой рационализм, выступает против формализма в пионерской работе. Отношения детей как зеркало отношений их воспитанников. А Хмелик поднимает тему ярко, пережженная фантастикой и реальностью, буйновою и тонкой юдвизм. Смог ли театр справиться с таким сложным материалом?

Спектакль поднимает зрителя ярким оформлением, экспантерическим началом. Сцена — в темноте, испещренная множеством мерцающих точек-звезд. Но вот все-

ленная пронизана ярким светом. И чего-чего только в ней нет! И колды Сатурна, и бесконечные эллипсы, и земной шар под зонтиком с выведенным на нем крупно словом «Шутка». Сцена обожалена высокими многоцветными порталами, испещренными множеством формул, расчетов. И над всем этим царит человек, Коперник. Он смотрит со всех сторон. Он на каждой стороне

которой, ко всему прочему, пропалае текст из-за высокой речевой техники многих актеров. Но главное — представление застыло на внешнем плане. Это касается и оформления, которое очень быстро перестает работать на содержание. Это касается и самого содержания спектакля. К примеру, ждаль, когда же «заговорит» Коперник, когда символ сработает на сцене спектакля, поможет высве-

рараллель явно видна, так же, как параллель еще одна: главным верным идее гуманоида оказался девятиклассник Шафиров, увлеченный астрономией до самоубийства. Он, как еретик Джордано Бруно, тот «спорить» ради идеи.

Театр почему-то сбросил со счетов эти параллели. Так портреты Коперника остались изображенным символом, а внутренний нерв спектакля исчез.

Театр попытался поставить «Гуманоида» в ключе гротеска, но сумел пока решить его помощью только внешнюю сторону спектакля, не вытянув главной сути, акцентировав внимание на случайных, броских моментах и игнорировав волю или неволю целостности, глубину воспитательной проблемы. Гротеск — очень неслегкий вид художественной образности, требующий большой работы и уважительного, серьезного к себе отношения. Построенный на контрастном сочетании фантастичного и реального, смешного и грустного, он вырастает на социальной почве, на ведущих сторонах человеческих отношений. Удается ли, в конце концов, театру выполнить эту задачу в «Гуманоиде»? Пока есть к ее решению подступы. Хорошо сделаны массовые сцены в которых задействованы ребята. Особенно колоритно идет сцена заседания совета дружины, на котором прорабатывают Лопотухина. Энциентр совета дружины — это председатель Полуктово. В исполнении артиста М. Горшкова — это молодой бюрократ, чье время делать так, как положено, доведено до изгнущего автоматизма. Антипод Полуктово — мечтатель Шафиров. Аггер Г. Волков создает образ тонкого романтика, юноши умного, бескомпромиссного, вытупенного готового к борьбе с космосью. В конце концов, на таких держится мир.

Работы М. Горшкова и Г. Волкова выполнены на том профессиональном уровне, к которому надо вести и детям исполнителей. Особенно много работы требуют образы взрослых — учительницы Анны Константиновны Родионовой и директора школы Юрия Леонидовича Федорова. Пока они аморфны, невыразительны.

Словом, хотя премьера состоялась, сделана еще лишь завыва на интересный спектакль, «Гуманоиду» надо выбирать спешнее высоту. Чтбы зал взрывался смехом, узнавая себя, зачарованно изатихал, благодарно аплодировал актерам? Делал выбор с кем он? Потому что пока мчится в небе фантастический летательный аппарат, идет жизнь в классе, во дворе. Растут люди. Какими они вырастут?

Т. ПАХОМОВА.

◆ ТЕАТР

«ГУМАНОИД В НЕБЕ МЧИТСЯ...»

Так называется постановка, представляемая Горьковским ГЮЗом на суд юных свердловчан. Над пьесой-шуткой известного детского драматурга-сатирика А. Хмелика работали главный режиссер театра, заслуженный деятель искусства РСФСР В. Наравнеркич, художник Ф. Шерван и заведующий музыкальной частью Э. Фергальмейстер.

Скажем прямо, Горьковскому ГЮЗу повезло: он первым из театров страны поставил «Гуманоид...». И свердловчанам тоже повезло увидеть его премьеру.

кубических табуретов. «игроющих» в спектакле то роль трибуны, то стулья, то сто-

Везде Коперник. Ему суждено стать вечным свидетелем событий. Коперник взирает на класс... мащенено. Вырезанные на фанеры, раскрашенные яркими красками, они восседают за обычными школьными партами. Только несколько ребят из обличенного класса реально, но в те оирнее типажи, чем индивидуальности: Павлов да Петров — один задириха, другой неслуптиха, правильная девочка — активистка Малахова и Василий Лопотухин — единственный герой, названный по имени.

Спектакль берет хороший старт, идет поначалу в темпе, весело вводит зрителя в действие. Но вскоре интересные зрители ослабевают, а иные неоседы и вообще уходят из зала. Театр, хорошо работающий на зрителя самого маленького и на взрослого, вероятно, плохо чувствует зрителя — подростка, того самого, с которого начинается трижды воспетый и трижды «обрутанный» переходный возраст. Не случайно, наверное, «Гуманоид» — единственный спектакль для таких ребят, привезенный на гастроли.

Четкое представление адресата породило немую суетливость исполнителей, в

тить характеры героев, их отношение к жизни.

Давайте поразмыслим. Нарушитель общественного спокойствия — фантазер Вася Лопотухин. Но на мечтах оказывается «замещенным» не только он, но и директор школы Юрий Леонидович. Именно на него похож в представлении Лопотухина главный гуманоид. И это тоже не случайно: Юрий Леонидович оказывается способным не только по-директорски расписать и неказировать ребят, но и увлечь силой собственного воображения.

Вася Лопотухин — плоть от плоти своего учителя. И в мечтах, и в отступничестве. Как тот, так и другой под явным общественного мнения, в чуждо ему причудливо убежденность. Они, такие смелые первооткрыватели, преломляют своим отсутствием тех, кто повелит в них, пошел за ними. Такой грустный финал феерии.

Но при чем тут все-таки Николай Коперник, создатель гелиоцентрической системы мира, имя и труд которого в течение двух веков держала под вальсом католическая церковь? Уж спорит Юрию Леонидовичу и Лопотухину по сердцу другое имя — Галileo Галилея, подвергнувшегося суду инквизиции и вынужденного публично отречься от учения Коперника. Впрочем, в пьесе эта

Крешивера